

УДК 81

DOI: 10.17223/19986645/74/2

Я.А. Дударева, Н.Н. Шпильная

**ОБЫДЕННЫЙ МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС
КАК ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ДИСКУРС
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
ИНТЕРНЕТ-РЕЧИ)¹**

Анализируется обыденный медийный дискурс как интерпретационный дискурс. Выявлено, что модус обыденного медийного дискурса проявляется в стратегиях и типах интерпретации медиасобытия. Описаны стратегии языкового скепсиса и языкового доверия, рациональная и эмоциональная стратегии, риторически- и диалогически-ориентированный тип интерпретации медиасобытия. Установлено, что диктум обыденного медийного дискурса проявляется в пропозициональной модели интерпретации медиасобытия.

Ключевые слова: медиасобытие, обыденный медийный дискурс, модус дискурса, диктум дискурса

Введение

Данное исследование выполнено на стыке интерпретационной лингвистики, дискурсологии и медиалингвистики. Объектом изучения в статье стал интерпретационный дискурс, а предметом – обыденный медийный дискурс как интерпретационный.

Цель статьи – охарактеризовать обыденный медийный дискурс как интерпретационный дискурс, что предполагает анализ его диктумно-модусной организации. Обыденный медийный дискурс – это дискурс, организуемый вокруг медиасобытий, которые могут быть связаны с политикой, спортом, медициной, экономикой, культурой и другими сферами общественной жизни. Субъектом обыденного медийного дискурса является рядовой носитель языка.

В задачи статьи входит:

- 1) характеристика интерпретационного дискурса и определение его субстанционального статуса;
- 2) уточнение статуса дискурса адресата как интерпретационного дискурса;
- 3) описание обыденного медийного дискурса как интерпретационного дискурса посредством характеристики его диктумно-модусной организации.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00375 «Обыденный медийный дискурс: лингвокультурологический и лексикографический аспекты».

Понятие интерпретационного дискурса

Интерес к изучению интерпретационного дискурса обусловлен признанием наряду с коммуникативной и когнитивной интерпретирующей функции языка. Как отмечает Н.Н. Болдырев, понятие интерпретации может иметь широкое и узкое толкование. «В широком смысле этого слова интерпретация понимается как практически любая мыслительная операция, направленная на получение нового, вторичного знания коллективного или индивидуального уровня. Интерпретация в узком ее понимании – это языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [1]. В данной работе мы опираемся на узкое понимание интерпретации. По Н.Н. Болдыреву, узкое понимание интерпретации связано с актуализацией типизированных схем знаний (фреймы, когнитивные модели и пр.) и предполагает проявление субъективных смыслов [1].

Интерпретирующая функция языка может быть не только сведена к познавательной деятельности носителя языка (опыта), но и может меняться по отношению к внеязыковому миру и миру текстов и событий, актуализируемых в последних [2–3]. История изучения интерпретационного дискурса восходит, по всей вероятности, к Т. ван Дейку, который одним из первых сформулировал положение о том, что любой дискурс – это интерпретационный дискурс, специфика которого заключается в актуализации определенных ментальных моделей его производства или понимания [2]. Анализ интерпретационного дискурса, по Т. ван Дейку, предполагает анализ ментальных моделей дискурса: «...понять дискурс – значит истолковать его ментальную модель или интенции (ментальные модели) говорящего. И напротив, планирование дискурса означает толкование ментальной модели соответствующей коммуникативной речевой деятельности» [2]. Иными словами, ментальная модель события определяет специфику дискурса. Как следствие, разные виды дискурсов – художественный, политический, медийный и пр. – представляют собой ментальную модель того или иного события, а значит, могут быть рассмотрены как интерпретационные дискурсы.

Развивая идеи Т. ван Дейка, мы не принимаем противопоставления по дискурсивной интенции, в соответствии с которым дискурсы можно разделить на дискурсы практической и интерпретационной направленности. Согласно нашей логике любой дискурс конструирует ментальную модель события, а потому рассматривается как интерпретационный. Интерпретационный дискурс в статье трактуется и как онтологический феномен, и как аспект рассмотрения дискурса. В этом плане интерпретационный дискурс – это и родовое наименование по отношению ко всем видам дискурса, и проявление дискурса, имеющего в качестве коммуникативного события событие, являющееся дискурсообразующим в дискурсе-основе. В последнем случае интерпретационный дискурс – это дискурс адресата, который, с

одной стороны, реагирует на исходное коммуникативное событие, а с другой стороны, создает собственный дискурс.

Иными словами, в статье различаются широкое и узкое понимание интерпретационного дискурса. В широком смысле любой дискурс является интерпретационным. В узком смысле, развиваемом в данной работе, интерпретационный дискурс – это дискурс адресата, продуцируемый по поводу коммуникативного события дискурса-основы.

Дискурс адресата как интерпретационный дискурс

Актуализируя узкое понимание интерпретационного дискурса, мы полагаем, что дискурс адресата, реализуемый его репликами, представляет собой интерпретационный дискурс.

Заметим, что когда говорят о дискурсе как речевой деятельности, осуществляемой в экстралингвистическом контексте, имеют в виду дискурс адресанта. Многочисленны исследования, учитывающие образ адресата при конструировании дискурса адресанта. Так, например, дискурс СМИ ориентирован на адресата, который в современных социально-политических условиях определяет цель акта газетной коммуникации [3. С. 15]. Анализу образа адресата в различных видах дискурса посвящены работы [4–6]. Утверждается, что дискурс адресанта, представленный речевыми высказываниями, полиинтерпретируем. Ср.: «Несовпадающие интерпретации возникают вследствие того, что объект по-разному воспроизводится в сознании разных субъектов (разное опускается и добавляется), неодинаково членится ими, элементы членения по-разному монтируются, в объекте акцентируются разные стороны, он проецируется на разные эталоны и, наконец, ему приписывается различная семантика, то есть он подвергается альтернативной символизации» [7. С. 10]. Полиинтерпретируемость дискурса адресанта позволяет говорить о дискурсе адресата как интерпретационном дискурсе, осуществляющем распределение смыслов коммуникативного события, лежащего в основе дискурса адресанта. Таким образом, наряду с дискурсом адресанта может быть выделен дискурс адресата, представленный совокупностью интерпретирующих высказываний.

При таком подходе дискурс адресанта служит источником для дискурса адресата, а значит, является дискурсом-основой. Заметим, что и дискурс адресанта, и дискурс адресата будут являться интерпретационными, так как вербализуют определенную ментальную модель коммуникативного события. Разница между ними заключается в том, что дискурс адресанта условно рассматривается нами как первичный дискурс, а дискурс – как вторичный¹. Условность такого подхода очевидна на фоне идей М.М. Бахтина об ответном характере любой реплики как компонен-

---

¹ Оппозиция «первичный – вторичный» дискурс вводится нами по аналогии с оппозицией «первичный – вторичный» текст.

те дискурса. Иными словами, в онтологическом плане любой дискурс адресата – это вторичный интерпретационный дискурс, создаваемый в ситуации ответа.

Обыденный медийный дискурс как интерпретационный дискурс

В центре нашего внимания – обыденный медийный дискурс как разновидность интерпретационного дискурса, осуществляемый в личностно-ориентированных форматах коммуникации и организуемый вокруг медиасобытий. Специфика обыденного медийного дискурса заключается в том, что, с одной стороны, он организован вокруг коммуникативного события медийного дискурса, а с другой стороны, он представляет собой ментальную модель этого коммуникативного события.

Проблема интерпретации события медийного дискурса получила развитие в русле философии семиотики, где визуальное медиасобытие рассматривается как символический коммуникативный знак, предполагающий интерпретацию. На фоне этого появляется такое направление, как герменевтика медиаобраза [8], предполагающее изучение механизмов интерпретации медиаобраза в коллективном языковом сознании. Наше исследование вписывается в проблемный контекст данного направления, однако посвящено изучению интерпретации не визуального компонента медийного текста, а его вербальной составляющей.

Обыденный медийный дискурс описывается в работе как самостоятельное образование. Исследования, посвященные анализу обыденного медийного дискурса, направлены в основном на выявление специфики факторов, оказывающих влияние на интерпретационное функционирование медиасобытия в обыденном языковом сознании. Так, одни исследования постулируют мысль о влиянии способа подачи новостного события на его интерпретационное функционирование [9]. Другие, напротив, говорят о влиянии персоноцентрических факторов на интерпретацию медиасобытия, выделяя лингвоперсонологические стратегии комментирования и интерпретации новостных событий в обыденном дискурсе [10–14]. Актуальным в рамках нашего исследования является положение о ведущей роли адресата в организации обыденного медийного дискурса как разновидности интерпретационного дискурса [3]. Еще раз подчеркнем, что адресат при таком подходе рассматривается как субъект интерпретационного дискурса.

Рассматривая обыденный медийный дискурс как самостоятельное образование, мы полагаем, что его описание может быть осуществлено с использованием понятий «модус дискурса» и «диктум дискурса» [15]. Проецируя сказанное на описание обыденного медийного дискурса, можно сказать, что модус обыденного медийного дискурса представлен интерпретационными смыслами, отражающими эмотивно-оценочную составляющую языковой деятельности носителя языка. Это соотносится с выводом Т.В. Чернышовой, которая, исследуя проблему восприятия

медиатекста (концепта события, по терминологии автора) адресатом, отмечает оценочный характер интерпретативной деятельности адресата СМИ [3]. Модус обыденного медийного дискурса соотносится, по нашему мнению, со стратегиями и типами интерпретации медиасобытия, используемыми рядовыми носителями языка. Диктум обыденного медийного дискурса представлен ментальной моделью медиасобытия, конструируемой его адресатами. Ментальный образ медиасобытия может быть представлен в форме модели его интерпретации.

Материал исследования

Материалом для анализа служат русскоязычные интернет-комментарии к медиатекстам, размещенным на различных новостных порталах. Обращение к интернет-речи обусловлено ее эвристическим потенциалом, т.е. возможностью фиксации большого количества языкового материала, позволяющего выявить стратегии, модели и типы обыденной интерпретации медиасобытия на достаточной выборке, обеспечивающей достоверность полученных результатов. Кроме того, интернет-комментарий обладает большим гносеологическим потенциалом, поскольку этот жанр предстает как «специфическое смысловое поле, где формируются, интерпретируются и оцениваются факты и мнения» [16. С. 9].

Изучение современной интернет-коммуникации [17] основывается на ее диалогическом характере, обнаруживаемом в организации коммуникативного пространства в Интернете как пространства, образуемого двумя сферами, – сферой авторского текста, в том числе и медиатекста, и сферой пользователя, представленной комментариями к авторскому тексту и реализующей определенную интерпретационную модальность восприятия последнего. На интерпретационный характер интернет-комментариев указывают многие лингвисты (см., например, работы [10–14]).

Непосредственный предмет анализа составляет медиасобытие «Крушение украинского Boeing в Тегеране» (январь 2020 г.), которое представлено разными слотами в СМИ: «Названа причина крушения украинского самолета в Иране» (<https://lenta.ru/news/2020/01/08/dvig/>); «в Украине объявили траур по жертвам крушения Boeing в Тегеране» (<https://ria.ru/20200109/1563200116.html>); «Иран отказался передать Боинг черные ящики разбившегося самолета» (<https://regnum.ru/news/2824090.html>); «Росавиация рекомендовала авиакомпаниям не летать над Ираном и Ираком» (<https://www.interfax.ru/russia/690464>); «Иран признал, что случайно сбил украинский Boeing» (<https://ria.ru/20200111/1563279027.html>).

В качестве примеров используются интерпретирующие высказывания, созданные в ответ на актуализацию слота «Названа причина крушения украинского самолета в Иране» (<https://news.mail.ru/incident/40118821/comments/>) и образующие обыденный медийный дискурс. Общее количество проанализированных интерпретирующих высказываний – 158.

Результаты исследования

Дискурсивный модус обыденного медийного дискурса: стратегии и типы обыденной интерпретации медиасобытий. В данной части статьи анализируется модус обыденного медийного дискурса. Как мы уже отмечали, он реализуется в стратегиях и типах обыденной интерпретации медиасобытия, служащего коммуникативным событием медийного дискурса (дискурса-источника).

Под стратегией интерпретации мы понимаем присущий языковой личности способ субъективной оценки медиасобытия. Стратегии интерпретации определяются фактором языковой личности и актуализируют ее дотекстовые ожидания.

На основе анализа эмпирического материала мы выделили следующие виды стратегий обыденной интерпретации медиасобытий: по степени оценки истинности / ложности медиасобытия и по степени проявления модусных смыслов в интерпретации.

По степени оценки истинности / ложности медиасобытия мы выделили две стратегии интерпретации: стратегию языкового скепсиса и стратегию языкового доверия.

Стратегия языкового скепсиса представлена комментариями, в которых выражается недоверие / сомнение носителя языка к воспринимаемой информации.

Например:

Почему опять несут чушь? Причина крушения – возгорание двигателя? Вы смеётесь? Двигатель даже если взорвётся, то ничего абсолютно самолёту не сделает. Крыло двигатель повредить не мог ни при каких обстоятельствах. Второго двигателя с головой хватит даже на безопасный взлёт. А тут упал самолёт через 3 минуты после взлёта?! Какой пожар? Очнитесь, вас обманули! Упасть самолёту явно помогли, а кто и как пусть расскажут правду те кто исследует катастрофу! Украинцы, соборную! Опять гибель невинных людей, ни за что ни про что!

Или:

Упал самолет, именно в том месте где начались военные действия, где ПВО Ирана... Шанс такого совпадения равняется примерно 2–3%, посмотрим как долго нас за дурагов будут держать в этот раз.

Или:

Да, странно, что так быстро назвали и такую странную причину.

Как видим, в приведенных интернет-комментариях реализуются скептические дотекстовые ожидания языковой личности: носитель языка с сомнением относится к официальной версии медиасобытия, считая ее ложной. На языковом уровне это проявляется в использовании лексем, которые имеют семантику недоверия: *чушь, странно, странную причину*,

держат за дурагов. Семантика сомнения и недоверия выражается и на синтаксическом уровне: в использовании экспрессивных вопросов: Почему опять несут чушь? Вы смеётесь?; экспрессивных восклицаний: Очнитесь, вас обманули!

Стратегия языкового доверия представлена комментариями, в которых выражается доверие носителя языка к воспринимаемой информации.

Например:

Все мировые СМИ уже сообщили причину: техническая неисправность. В огромном аэропорту Тегерана каждые несколько минут садятся и взлетают лайнеры. Иногда они падают. Что тут особенного. И с пуском ракет разница в 6(!) часов. Да и пуски проводились не из Тегерана.

Как видим, данный интернет-комментарий реализует позитивно окрашенные дотекстовые ожидания языковой личности; так, носитель языка воспринимает официальную версию медиасобытия как истинную (реальную, а не выдуманную). Это проявляется в использовании оценочного комментария *Что тут особенного*, который, по сути, констатирует истинность той информации, которую сообщили все мировые СМИ. Автор верит официальной версии медиасобытия: причина крушения самолета – техническая неисправность. Носитель языка даже приводит аргументы, которые, по его мнению, показывают, что актуализируемое в СМИ медиасобытие является истинным (реальным). Так, автор комментария пишет, что полет лайнера и пуск ракет никак не могут быть связаны, потому что падение самолета и запуск ракет произошли с разницей в 6 (!) часов.

По степени проявления модусных смыслов в интерпретации мы выделили две стратегии: рациональную и эмоциональную.

Рациональная стратегия интерпретации медиасобытия проявляется в безэмоциональной реакции на воспринимаемое медиасобытие.

Например:

Теперь посмотрим как будут работать российские С-300 на территории Ирана.

Приведенный пример показывает, что носитель языка безэмоционально реагирует на медиасобытие. Его комментарий является сухим, в нем доминирует рациональная оценка события.

Эмоциональная стратегия интерпретации медиасобытия проявляется в выражении эмоциональных реакций носителя языка относительно медиасобытия.

Например:

Мои соболезнования

Как видим, носитель языка эксплицирует модусные смыслы соболезнования, которые отражают его эмоционально-оценочное отношение к событию.

Под типом интерпретации понимается определенный способ толкования медиасобытия, проявляющийся в совокупности интерпретирующих высказываний.

Нами выделены два типа обыденной интерпретации медиасобытия: риторически-ориентированный и диалого-ориентированный.

Риторически-ориентированный тип интерпретации представлен интерпретирующими высказываниями, в которых мнение носителя относительно медиасобытия выражается риторическим способом, не предполагающим дальнейшего комментирования. При таком типе интерпретации носитель языка не провоцирует диалог.

Например:

Довоевались

Или:

Соболезную

Наличие риторически-ориентированного типа интерпретации вовсе не предполагает, что интерпретирующее высказывание не может вызвать реакцию другого носителя языка. Здесь важно то, что по своей целевой установке оно, скорее, выражает мнение, но не провоцирует диалог.

Диалого-ориентированный тип интерпретации представлен интерпретирующими высказываниями, в которых носитель языка провоцирует диалог, дискуссию.

Например:

Первый вопрос – а что это украинский гражданский самолёт вообще в Иране делает? Они там как гастрабайтеры что ли? Или достопримечательности осматривали? Что такое Украина? Сейчас уже совсем ничего, всего лишь одна из разыгрываемых империями, но уже битых карт. Они могут играть какую-то там роль уже незначительную у границ России, но при том, что США сознательно поджигают Ближний Восток, вся эта мышиная возня отойдёт на задний план.

Или:

Почему опять несут чушь? Причина крушения – возгорание двигателя? Вы смеётесь? Двигатель даже если взорвётся, то ничего абсолютно самолёту не сделает. Крыло двигатель повредить не мог ни при каких обстоятельствах. Второго двигателя с головой хватит даже на безопасный взлёт. А тут упал самолёт через 3 минуты после взлёта?! Какой пожар? Очнитесь, вас обманули! Упал самолёт явно помогли, а кто и как пусть расскажут правду те кто исследует катастрофу! Украинцы, соболезную! Опять гибель невинных людей, ни за что ни про что!

В приведенных интерпретирующих высказываниях носитель языка провоцирует диалог, он задает вопросы, которые ориентированы как автору медиатекста, так и потенциальным комментаторам. По целевой уста-

новке эти интерпретирующие высказывания провоцируют ответную диалогическую реакцию.

Дискурсивный диктум обыденного медийного дискурса: модель обыденной интерпретации медиасобытия. В данной части работы представлен анализ диктума обыденного медийного дискурса. Выше мы уже говорили о том, что диктум интерпретационного дискурса представлен в форме модели интерпретации события, служащего основой дискурса-источника.

Модель интерпретации рассматривается как процесс интерпретационного функционирования медиасобытия в дискурсе рядовых носителей языка. На основе эмпирического материала нами выделена пропозициональная модель обыденной интерпретации медиасобытия. Данная модель интерпретации предполагает актуализацию различных актантов пропозиции медиасобытия.

Специфика обыденной [пропозициональной] модели интерпретации медиасобытия заключается в том, что процесс интерпретирования предполагает актуализацию различных актантов медиасобытия независимо от варианта слота, который актуализирует это событие в СМИ.

Анализ 158 интернет-комментариев к слоту «Названа причина крушения украинского самолета в Иране» медиасобытия показывает, что модель интерпретации отдельного слота представляет собой актуализацию актантов самого медиасобытия: следствие, результат, каузатор, объект, цель. При этом, конечно, актуализация актантов объясняется тем информационным фоном, который окружает медиасобытие.

Поясним сказанное.

Актант «следствие» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семой «опасность». В интерпретирующих высказываниях актуализируется идея возможной опасности при полетах на самолетах: *правильно говорите, что еще один... но это пока... скоро по 2–3 за день падать начнут, и я не удивлюсь..* Пример показывает, что носитель языка негативно оценивает последствия крушения самолета, делает обобщение относительно того, что падение самолета – это проявление тенденции.

Актант «результат» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семой «трагедия». В этом случае интерпретирующие высказывания содержат идею: есть погибшие; ср.: *ещё раз для страдальцев.. соболезновать нужно Иранцам все пассажиры кроме экипажа-иранцы...;* или: *Это большая трагедия, Украина, прими искренние соболезнования. Пусть всем погибшим земля будет пухом...;* или: *По данным МИД Украины при крушении самолета в Тегеране погибли 82 иранца, 63 гражданина Канады, 11 – Украины (9 членов экипажа), 10 – Швеции, 4 – Афганистана, по 3 – ФРГ и Великобритании.* Как видим, носители языка осведомлены о жертвах трагедии, для них важной составляющей события становится сама трагедия, скорее, ее результат.

Актант «каузатор» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семей «причина крушения». В качестве такой причины называют военные действия или сгорание двигателя. Например: *Опять стреляют...* или: *Никто его не сбивал*. В комментариях носители языка обсуждают причину крушения самолета, здесь, конечно, проявляется определенная стратегия интерпретации: либо стратегия языкового скепсиса, либо стратегия языкового доверия. Стратегия, реализующая дискурсивный модус, определяет внешнее воплощение актанта – либо стреляют, либо «никто его не сбивал».

Актант «объект» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семей «объект крушения». Объектом крушения является самолет. Например: *что-то они часто падают. эти боинги.. похоже дрянь. а не самолет... и этот случай, очередное тому подтверждение*. Или: *Что вам разжевать? Что весь мир летает на боингах или айрбасах? Странно почему бьются только боинги и айрбасы)))..Делать наверно не умеют)* Как видим, носители языка обсуждают падение боинга, оценивают частотность подобных случаев.

Актант «цель» представлен в актуализации интерпретационных смыслов, объединенных семей «зачем». В этом случае носители языка задаются вопросом: зачем самолет полетел в Европу»? Например: *Украинский самолёт рейсовый. Этот рейс самый дешёвый и иранцы охотно им пользуются для перелётов в Европу, далее пользуются местными авиалиниями*. Приведенный пример показывает, что для обыденного языкового сознания важны все компоненты события, освещаемого в СМИ. Казалось бы, что пропозициональный смысл «цель» не имеет прямого отношения к медиасобытию, однако и он актуализуется рядовыми носителями языка, что демонстрирует «веерность» интерпретации и подтверждает идею ее объективной неизбежности.

Таким образом, мы видим, что интерпретация медиасобытия «Названа причина крушения украинского самолета в Иране» осуществляется по линии актуализации пропозициональных смыслов, способствуя тем самым развитию события. Очевидно, что носители языка интерпретируют медиасобытие, выходя за пределы его текстовой версии, что, по всей видимости, можно объяснить наличием механизма вероятностного прогнозирования, который соотносится с пониманием того, что «когнитивная деятельность не является беспредпосылочной». Она «предполагает наличие предданной “гипотезы” об устройстве мира» [18. С. 6].

Выводы

Завершая статью, отметим, что в ней обыденный медийный дискурс рассматривается как разновидность интерпретационного дискурса. Интерпретационный дискурс анализируется в свете идей Т. ван Дейка как дискурс, актуализирующий ментальную модель события. Специфика обыденного медийного дискурса заключается в том, что, с одной стороны, он ор-

ганизован вокруг коммуникативного события медийного дискурса, а с другой стороны, он представляет собой ментальную модель этого коммуникативного события. Субъектом обыденного медийного дискурса является адресат дискурса-источника.

Обыденный медийный дискурс рассматривается в аспекте дискурсивного модуса и дискурсивного диктума.

Модус обыденного медийного дискурса проявляется в стратегиях и типах интерпретации медиасобытия. Выявлены стратегии языкового скепсиса и языкового доверия, рациональная и эмоциональная стратегии, риторически- и диалогически-ориентированный тип интерпретации медиасобытия.

Данные стратегии выявлены на другом языковом материале Л.Г. Ким [19], исследующей проблему вариативно-интерпретационного функционирования текста в аспекте диалектического соотношения системно-языковых и функциональных (персонологических) факторов на этот процесс. Это позволяет говорить об универсальности данных стратегий интерпретаций.

Диктум обыденного медийного дискурса проявляется в модели интерпретации медиасобытия. В работе выявлено, что интерпретация медиасобытия осуществляется по пропозициональной модели, предполагающей интерпретацию последнего как развитие события за счет актуализации составляющих его пропозициональную структуру актантов. Осуществление интерпретации как актуализации пропозициональных смыслов события коррелирует с гипотезой Г.П. Мельникова, согласно которой внутренняя форма русского языка устроена по принципу развивающегося события [20].

Многоаспектность заявляемой в статье проблемы значима для медиаиндустрии (медиалогии), ее решение позволяет прогнозировать варианты интерпретационного функционирования медиасобытия в обыденном языковом сознании и, что не менее важно, на этой основе корректировать способы подачи медийных событий в СМИ.

Дальнейшее исследование предполагает анализ универсальных и этноспецифических особенностей обыденного медийного дискурса в русской и французской лингвокультурах.

Литература

1. *Болдырев Н.Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 11–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretiruyuschaya-funktsiya-yazyka> (дата обращения: 28.02.2020).
2. *Дейк Т.А. ван.* Дискурс и знание. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-i-znanie> (дата обращения: 28.02.2020).
3. *Чернышова Т.В.* Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2005. 577 с.
4. *Бирюкова Н.С.* Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной массовой коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 196 с.

5. *Пикулева Ю.Б.* Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 23 с.

6. *Постнова Т.Е.* «Страсти по мехам» и «Кошмар на улице Вазов» // Русская речь. 2001. № 6. С. 69–72.

7. *Борухов Б.Л.* Речь как инструмент интерпретации действительности (теоретические аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1989. 17 с.

8. *Батаева Е.В.* Симвология и герменевтика медиа-образа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolologiya-i-germenevtika-media-obraza> (дата обращения: 28.02.2020).

9. *Мохирева С.В.* Медиадискурс как реализация интерпретационного потенциала события (на материале публикаций в русскоязычных СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2017. 24 с.

10. *Голев Н.Д., Ким Л.Г.* Обыденные политические интернет-комментарии как проявление вариативности интерпретации (оппозиции «эксплицитное – имплицитное», «проявленное – ожидаемое») // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе : материалы российской секции междунар. конф. «Ain't misbehavin' Implisit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / под ред. А.П. Чудинова, Э.В. Будаева. Екатеринбург ; Цюрих, 2014. С. 47–70.

11. *Мельник Н.В., Савельева И.В.* Лингвоперсонологические стратегии восприятия текста (на материале интернет-комментариев к политическим статьям) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 197–204.

12. *Штильная Н.Н.* Стратегии и тактики коммуникативного поведения языковой личности в обыденной политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2017. № 5. С. 222–228.

13. *Абросимова Е.А., Кравченко Ю.Д.* Читательский комментарий как феномен интерпретации медиатекста (на материале интернет-комментариев и данных эксперимента) // Медиаскоп. 2017. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2317> (дата обращения: 28.02.2020).

14. *Ергалиева С.Ж.* Лингвоперсонологические стратегии и тактики комментирования политических текстов в виртуальном пространстве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskie-strategii-i-taktiki-kommentirovaniya-politicheskikh-tekstov-v-virtualnom-prostranstve> (дата обращения: 12.02.2020).

15. *Тубалова И.В.* Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 43 с.

16. *Карпоян С.М.* Эпистемическая модальность в интернет-комментарии : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2014. 193 с.

17. *Стеклова Т.И.* Объекты комментариев в интерактивной газетной статье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 10: Журналистика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekty-kommentariiev-v-interaktivnoy-gazetnoy-statie> (дата обращения: 10.02.2020).

18. *Ушаков Д.В.* Когнитивная система и развитие // Когнитивные исследования: Проблема развития : сб. науч. тр. М., 2009. Вып. 3. С. 5–14.

19. *Ким Л.Г.* Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Томск, 2009. 312 с.

20. *Мельников Г.П.* Внутренняя форма русского языка ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях. URL: <http://philologos.narod.ru/melnikov/melnikov-vf.htm> (дата обращения: 20.02.2020).

Everyday Media Discourse as an Interpretive Discourse (Based on Interpretive Utterances of Internet Speech)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 28–42. DOI: 10.17223/19986645/74/2

Yana A. Dudareva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dudareva-yana@yandex.ru

Nadezhda N. Shpilnaya, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Venata85@mail.ru

Keywords: media event, everyday media discourse, discourse mode, discourse dictum.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00375.

The object of the research is everyday media discourse organised around media events. It is considered to be interpretive discourse. The article develops the idea of T. van Dijk, according to which interpretive discourse actualises the mental model of the event. The study was performed in the areas of interpretation linguistics and discourse study. Everyday media discourse is considered to be a discourse whose subject is the narratee of the source-discourse forming interpretive activity regarding the communicative event that organises it. The material for the analysis was statements in the form of Internet comments to the media event “The Crash of the Ukrainian Boeing in Tehran”. The total number of the analysed interpretive statements is 158. To describe everyday media discourse, the terminology of discourse study characterising interpretive discourses is used. Everyday media discourse is considered as the discourse mode and the discourse dictum. The modus of everyday media discourse displays itself in strategies and types of interpretation of the media event. There are the following types of media events’ everyday interpretation strategies: identified by the degree of evaluation of the truth/falsity of the media event and identified by the degree of intensity of modus meanings in the interpretation. Among the former, there is the strategy of language skepticism and the strategy of language trust. Rational and emotional strategies are identified by the degree of intensity of modus meanings in the interpretation. Rhetorically- and dialogically-oriented types of interpretation of media events are described. The dictum of everyday media discourse can be traced in the model of interpretation of media events. The model of interpretation is understood as a process of interpretive functioning of the media event in the discourse of ordinary native speakers. The propositional model of everyday interpretation of the media event based on empirical material assuming the actualisation of various actants of the media event proposition is described. The research results are significant for the media industry (medialogy) for they allow predicting the variants of the interpretive functioning of the media event in the everyday language consciousness and using it as a basis to correct the ways of presenting media events in the media.

References

1. Boldyrev, N.N. (2011) Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka [The interpreting function of language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 33 (248). pp. 11–16. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretiruyushchaya-funktsiya-yazyka> (Accessed: 28.02.2020).
2. van Dijk, T.A. (2013) *Diskurs i znanie* [Discourse and knowledge]. Translated from English. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-i-znanie> (Accessed: 28.02.2020).
3. Chernyshova, T.V. (2005) *Teksty SMI v mental'no-yazykovom prostranstve sovremennoy Rossii* [Media texts in the mental-linguistic space of modern Russia]. Philology Dr. Diss. Barnaul.

4. Biryukova, N.S. (2005) *Vospriyatie studentami pretседentnykh fenomenov, ispol'zuemykh v sovremennoy massovoy kommunikatsii* [Students' perception of precedent phenomena used in modern mass communication]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
5. Pikuleva, Yu.B. (2003) *Pretседentnyy kul'turnyy znak v sovremennoy televizionnoy reklame: lingvokul'turologicheskii analiz* [Precedent cultural sign in modern television advertising: linguoculturological analysis]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
6. Postnova, T.E. (2001) "Strasti po mekham" i "Koshmar na ulitse VAZov" ["Passion for Furs" and "A Nightmare on VAZ Street"]. *Russkaya rech'*. 6. pp. 69–72.
7. Borukhov, B.L. (1989) *Rech' kak instrument interpretatsii deystvitel'nosti (teoreticheskie aspekty)* [Speech as a tool for interpreting reality (theoretical aspects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
8. Bataeva, E.V. (2013) *Symbolology and Hermeneutics of Media-Image*. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolologiya-i-germenevtika-media-obraza> (Accessed: 28.02.2020). (In Russian).
9. Mokhireva, S.V. (2017) *Mediadiskurs kak realizatsiya interpretatsionnogo potentsiala sobytiya (na materiale publikatsiy v russkoyazychnykh SMI)* [Media discourse as a realization of the interpretive potential of the event (based on publications in the Russian-language media)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.
10. Golev, N.D. & Kim, L.G. (2014) [Ordinary political Internet comments as a manifestation of the variability of interpretation (the opposition "explicit – implicit", "manifested – expected")]. *Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropейskom politicheskom diskurse: materialy rossiyskoy sektiі mezhdunar. konf. "Ain't misbehavin' Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse"* [Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse: Proceedings of the Russian section of the international conference "Ain't misbehavin' Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse"]. Yekaterinburg; Zurich. pp. 47–70. (In Russian).
11. Mel'nik, N.V. & Savel'eva, I.V. (2017) Linguopersonological Strategies of Text Perception (Case Study of Internet Comments to Political Discourse). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4. pp. 197–204. (In Russian).
12. Shpil'naya, N.N. (2017) Strategies and Tactics of Communicative Behavior of Linguistic Persona in Everyday Political Communication. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 5. pp. 222–228. (In Russian).
13. Abrosimova, E.A. & Kravchenko, Yu.D. (2017) Reader Comment as a Phenomenon of Media Text Interpretation (based on Internet comments and experiment data). *Mediaskop – Mediascope*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2317> (Accessed: 28.02.2020). (In Russian).
14. Ergalieva, S.Zh. (2020) *Lingvopersonologicheskie strategii i taktiki kommentirovaniya politicheskikh tekstov v virtual'nom prostranstve* [Linguopersonological strategies and tactics of commenting on political texts in the virtual space]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopersonologicheskie-strategii-i-taktiki-kommentirovaniya-politicheskikh-tekstov-v-virtualnom-prostranstve> (Accessed: 12.02.2020).
15. Tubalova, I.V. (2015) *Polifonicheskii tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
16. Karpoyan, S.M. (2014) *Epistemicheskaya modal'nost' v internet-kommentarii* [Epistemic modality in the Internet comment]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
17. Steksova, T.I. (2013) The Objects of Comments in the Interactive Newspaper Article. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 12 (10). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekty-kommentariyev-v-interaktivnoy-gazetnoy-statii> (Accessed: 10.02.2020). (In Russian).

18. Ushakov, D.V. (2009) Kognitivnaya sistema i razvitie [Cognitive system and development]. In: *Kognitivnye issledovaniya: Problema razvitiya* [Cognitive research: The problem of development]. Vol. 3. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. pp. 5–14.

19. Kim, L.G. (2009) *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta* [Variable interpretative functioning of the text]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

20. Mel'nikov, G.P. (2020) *Vnutrennyaya forma russkogo yazyka klyuch k ponimaniyu ego osobennostey na vseh urovnyakh* [The inner form of the Russian language as the key to understanding its features at all levels]. [Online] Available from: <http://philologos.narod.ru/melnikov/melnikov-vf.htm> (Accessed: 20.02.2020).